

16+

Ава Саврок

Река

Ава Саврок Река

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55729829

SelfPub; 2020

Аннотация

Небольшая история о переправе через реки в царстве Аида, дороге, дружбе и принятии смерти.

Вокзал гудит, пахнет раскатанными, нагретыми рельсами, пылью и несвежими человеческими телами. Мы с Мариной стоим у входа – или выхода, все относительно – и ждем такси (оранжевый солярис, номер 027, ваш водитель – Александр Харонов). Я чешусь и периодически чихаю – у меня аллергия на табак, а Маришка стоит в двух шагах от меня и курит уже вторую послеобеденную сигарету. Она с опаской поглядывает в сторону беседующих на перекрестке ментов – в прошлый раз ее загребли в эту нелепую привокзальную каморку, пожурили, как маленькую невоспитанную девочку, и выписали штраф. Моя подруга – эффектная рыжеволосая валькирия – демонстративно оплатила его через онлайн-банк прямо там же и попросила прикурить у младшего лейтенанта Остапенко. Они даже встречались где-то полгода, но Маришка – дама ветренная, ей подавай кого поинтереснее карьериста и зубодробительного зануды, охраняющего покой и порядок законопослушных граждан.

– Жень, смотри! Не наша?

– Наша. Идем, что ли.

Мариша под возмущенное кудахтанье ведьмы с сумкой-тележкой носком ботинка давит сигарету, и мы плывем в человеческой реке прямо к гостеприимно переливающимся огнями аварийки авто. У меня небольшой городской рюкзак, подруга на плече тащит большую спортивную сумку, в которую можно запихнуть кенгуру.

В машине кондиционированно-холодно. Александр Ха-

ронов, пожилой грязноватый мужчина с торчащими клоками седой бороды, прячет глаза за темными очками. Мариша прочищает горло и нарочито низким голосом выдавливает: “Ну что, шеф, поехали? Большая Монетная, дом сорок пять бэ”.

Шеф мрачно хмыкает, тихо говорит – ехать будем долго, вжимает педаль в пол до упора, и меня буквально впечатывает в кресло. Марине, кажется, все равно.

Я приоткрываю окно и дышу Сваградом – не была здесь с выпускного, мы тогда, помнится, совершили Великий Кислотный Трип по Золотому Кольцу России с заездом на кольцо из других металлов. Посмотрели Москву с ее вечными пробками и русскостью, уютный Воронеж, мерзотный и снобский Питер, Новгород с его огнями и кремлями и, конечно, Сваград – новый мегаполис, который покорило мое сердце. Я поступила на кинорежиссуру, Мариша – на экономику, и мы обе переехали в столицу.

Мама Марины год назад переехала как раз сюда, в Сваград. Климат тут лучше, чем на нашем туманном севере, да и вокруг столько всего происходит – Татьяна Алексеевна расцвела и решила остаться тут навсегда, купив двушку в новостройке. К ней-то мы, собственно, и собрались в гости.

Оранжевый солярис летит, ловко маневрируя в немногочисленном субботнем машинном потоке – даже скорее машинном ручье. Я нервничаю все сильнее и поглядываю на спидометр – как ни странно, он показывает скорость в 50

километров в час. Водитель на ходу включает радио, и на середине начинает играть что-то депрессивно-роковое, но мне нравится, и я даже прошу сделать чуть погромче.

Под гитарные рифы мы проезжаем исторический центр, затем неисторический, но все еще центр, и дорога выносит нас в промышленный район. Я лезу за телефоном и пробиваю на картах дом Маришиной мамы – все верно, это самый быстрый путь, и нам ехать еще почти полчаса. Дорога петляет и неожиданно ведет вверх – мы выезжаем на самый странный мост, который я когда-либо видела: узкий, рассчитанный ровно на одну машину, нависающий тонкой асфальтово-арматурной ниточкой над полосами железной дороги – настоящий железнодорожный залив.

Мариша стаскивает свои гигантские солнцезащитные очки – гротескная дань моде – и отворачивается к окну, внимательно разглядывает цепи вагонов под нами. Такси все еще движется довольно быстро, и я чувствую себя в каком-то техно-аквапарке – высокие бортики горки, а внизу наше падение должен смягчить бассейн. Но, конечно, никакого бассейна нет и в помине, только водитель недовольно бурчит на архитектора этого чудо-моста, “пьяный он был, что ли”. И впрямь – непрактично и страшно. После моста машина ныряет вправо, и по лобовому стеклу начинают стучать крупные капли, за пару минут превращающиеся в стену воды и тумана – настоящий летний ливень.

– Погода у вас, конечно, преинтересная, – бурчит Марина

и лезет в сумку за телефоном. И громко, выразительно ругается.

– Что такое? – с легким испугом спрашиваю я, глядя на разозлившуюся подругу.

– Зарядка. Похоже, забыла ее в поезде, а батареи осталось десять процентов.

– Ну, позвони маме и скажи, что мы едем. Скоро уже будем. А навигатор есть и у меня.

– Ладно. Ты права, что-то я нервная сегодня. Извините. Мариша звонит маме, отчитывается о поезде, и говорит, что телефон ее почти сел. Я слышу, как Татьяна Алексеевна передает мне привет, и бурчу что-то дружелюбное в ответ.

Такси вырывает на трассу, и наш водитель окончательно перестает сдерживать себя: несмотря на то, что спидометр показывает 120, у меня перед глазами плывет окружающий пейзаж, а редкие машины остаются позади столь же быстро, будто бы мы проезжаем припаркованные автомобили. Я не выдерживаю и нервно, пискляво прошу притормозить. Водитель недовольно сбрасывает до ста, но мне все еще кажется, что мы движемся слишком неправильно.

Наконец, после четверти часа моих мучений, мы сворачиваем направо и почти сразу попадаем на широкую шестиполоску, ведущую к новым высоткам. Дождь заканчивается, вокруг снова солнце и бесконечные зеленые луга, и в этом травяном море чужеродной громадиной стоят многоэтажки и вышки линий электропередач. Таксист, наконец, сбрасыва-

ет скорость до приемлемой – сорока... это же не могут быть мили в час, правильно?

Мы минуем первые дома, и я обращаю внимание на то, что справа на аварийке стоят машины, не одна и не две – сотни, может быть, даже тысячи. Мой навигатор показывает, что до Большой Монетной осталось чуть больше шести километров, когда наш таксист, чертыхаясь, тормозит и говорит: “Ну все, девчонки, приехали”.

– В смысле? Это Большая Монетная?

– Нет. Это Малая. Но впереди авария, видите? – бурчит водитель. – Там туннель, и объезда пока нет. Черт знает, сколько будем тут стоять, и даже не развернуться.

Он прав – навигатор показывает большую аварию, а перед нами стоят машины. Никто не сигналист, но я вижу, что из некоторых уже вышли водители, вглядываясь во что-то впереди.

– Мариш, дойдем. Тут осталось-то идти с час-полтора. Давай мы часть твоих вещей ко мне переложим, – предлагаю я, и моей подруге не остается ничего другого, кроме как согласиться.

Пока я пробиваю пешеходный маршрут, Марина прощается с водителем, а затем мы идем к ближайшим домам. Мариша рассеянно бросает: “Как все-таки местные любят черные машины”. Она права – наше оранжевое такси смотрится совсем нелепо на фоне бесконечных черных фольксвагенов, ауди и даже отечественных лад. Редкие вкрапления синих и

серых машин почти теряются на фоне этого темного потока.

У новостроек носятся дети, а прямо у подъезда крайнего дома – “Улица Малая Монетная, 17” – я вижу цветочницу. Не рыночную старушку, которая привезла с дачи букетики цветов, нет. В тени деревьев стоит женщина средних лет в простом ситцевом платье с узором из каких-то фруктов, у нее пара десятков ваз с живыми цветами, вокруг которых роятся пчелы и бабочки. Я замечаю даже несколько интерьерных композиций из искусственных цветов, которые сначала тоже принимаю за живые, но быстро осознаю свою ошибку: около них нет никаких насекомых.

– Пойду-ка я спрошу у нее, как нам лучше до Большой Монетной дойти, ладно? Подержи-ка!– говорю я Марише и киваю в сторону цветочницы. Та послушно берет вещи и встает в тени дубов – видимо, когда-то здесь был лес или парк, который вырубали под застройку, но часть деревьев оставили. Я быстрым шагом тороплюсь к цветочнице, но меня опережают: прямо перед моим носом проскакивает мальчишка лет шести и верещит: “Тетя, тетя, тетя, вы цветочки продаете, да?” Я смотрю на него с легким ужасом: белые шорты, щербатая улыбка – не хватает пары зубов, перемазанные зеленкой колени и хохот, от которого меня и коробит. Так громко и искренне могут смеяться только дети и шизофреники, и ни те, ни другие не вызывают у меня восторга.

– Тетя, тетя, а сколько стоят вон те? Красные, а? Я маме куплю!

Цветочница натянуто улыбается и с неуместной жалостью ласково гладит мальчика по встрепанной русой голове. Потом берет зажатую детскими пальчиками купюру, отсчитывает несколько монет сдачи, ссыпает ему в руку и протягивает несколько крупных маков.

– Раз-два-три-четыре! Спасибо, тетя! Я пошел!

– Иди, – грустно сказала цветочница и с подозрением посмотрела в мою сторону. – Вы что-то хотели?

– Да. Добрый день. Не подскажете, как попасть на Большую Монетную улицу? Мы с подружкой первый раз в этом районе и немного опасаемся...

– Я вам что, бесплатный справочник?! Возьмите навигатор и посмотрите, не маленькие! Достали уже! – неожиданно свирепеет женщина, и мне становится почему-то страшно и обидно. Но больше страшно. На меня кричит полоумная баба за то, что я соизволила спросить дорогу, а я, вместо того, чтобы злиться, сжимаюсь и все сильнее и сильнее сутулюсь.

– А еще хотела купить хризантему, – неожиданно выпаливаю я, зажмуриваюсь, чтобы не видеть ее, – вон ту, белую.

– Эту? – хмурится она и почти моментально успокаивается, будто и не кричала на меня несколько секунд назад.

– Да. Можно?

Я нащупываю в кармане двухсотрублевую купюру и протягиваю ей. Она смотрит внимательно на деньги, на меня, потом на Маришку – та со скучающим видом разглядывает многоэтажку и, конечно, опять курит. Потом достает цветок

– в глубокой вазе остается одинокая хризантема, вздыхает, достает и ее. Протягивает мне две и вкладывает в руку две монеты по десять рублей.

– Они по сто восемьдесят. Но одну я уже не продам, так что возьми в подарок. И зла не держи – день сегодня тяжелый, вот я и вспылила. Ты уже, наверное, стотысячная за сутки, кто у меня дорогу к Большой Монетной спрашивает.

Я опускаю в карман сдачу, прижимаю к груди цветы – невероятно нежные, свежие хризантемы с огромными шелковыми соцветиями пахнут одуряюще – прохладой и свежестью. Она протягивает ладонь и треплет меня по волосам – так же, как и того мальчишку. И от этого жеста мне еще сильнее не по себе – эта неожиданная ласка хуже вспышки гнева. Ледяные руки у цветочницы пахнут нафталином, и меня передергивает.

– До Большой Монетной еще идти и идти. Вам с подружкой нужно пройти между домами и затем свернуть налево. Там будет огромное поле и грунтовка, и указатель на вашу Монетную. По шоссе оно, конечно, быстрее, но на самом деле там тоннель, пешком не пройти, а тут пока просто ничего не стали строить. По грунтовке пройдете еще километра четыре и выйдете как раз к началу Большой Монетной, там разберетесь.

Я киваю, иду, не оглядываясь, но спиной чувствую, что она продолжает пристально смотреть на меня, и мысленно прошу ее перестать.

– Женька, ты нафига их купила? – Мариша с удивлением смотрит на цветы, которые я все так же стискиваю в правой руке. – Мы их как понесем? И зачем?

– Маме твоей подарим. Отдай рюкзак.

– Ты странная. А что она там орала? – тянет Марина и выбрасывает окурок. Я нервно и довольно агрессивно затапываю его.

– Неважно. Нам туда и идти еще черт-те сколько. А я задолбалась от твоей этой привычки. Ты же знаешь, я ненавижу табак! И вообще, у меня на него аллергия!

– Скажите, пожалуйста, аллергия. Ты знаешь, я без сигарет нервная, как стадо кошек на барбитуратах, так что сама решай, тебе важнее мое психическое здоровье или твоя воображаемая болезнь?

– Заткнись, а? Почему ты всегда ведешь себя как сука?

Марина обиженно молчит, но подхватывает сумку и идет за мной хвостиком. Я злюсь, я устала, еще это палящее солнце и чертово такси, и дорога, и цветочница, которая потрепала меня по голове, как ребенка или какую-то бездомную собачку.

Мы действительно выходим на поле и грунтовую дорогу, и меня отпускает: на знаке красуется надпись “Большая Монетная 3,5 км” и стрелка, указывающая в сторону высоток чуть вдалеке. Я даже бурчу что-то примирительное подруге, но та предпочитает политику демонстративного игнорирования, так что мы продолжаем идти в этой неуютной тишине.

А вокруг настоящее травяное море – оно идет волнами и колышется от ветра, орут цикады, небо высокое, и на нем редкие белые облака. Я смотрю на часы – почти шесть вечера, скоро закат, и замечаю, что у меня осталось каких-то десять процентов заряда, да еще и сеть не ловит. Настроение не то чтобы портится, но я перевожу телефон в авиарежим, на всякий случай предварительно сверившись с картой – мы действительно движемся в нужном направлении. Марина продолжает обиженно пыхтеть чуть позади, и мы идем, идем, как мне кажется, бесконечно долго. Иногда я слышу, как до нас долетают от оставленных позади многоэтажек Малой Монетной звуки всего человеческого – детские крики, гогот мужиков, ругань в исполнении неизменной местной дворовой тети Маши.

В моем детстве бабушка всегда звала меня из окна кухни. “Женя, домой! Женя!” – кричала она обычно часа в три, и я отрывалась от своих невероятно важных детских дел, потом отсчитывала этажи: “Раз-два-три-четыре!” и махала рукой.

Я спотыкаюсь, и из кармана вываливается монетка. Она катится по грунтовке, и я приседаю на корточки, чтобы ее поднять, когда слышу отчетливое “Домой!” доносящееся откуда-то издалека.

Поднятая монетка почему-то оказывается не десятью рублями, как мне думалось. Я достаю вторую и немного расстраиваюсь: уж не знаю, что это за монеты, но двадцать рублей

студенту потенциально нужнее, чем непонятная горсть нумизматической радости. Я сгребая одну и протягиваю Марише.

– Это что? – нарушает она долгую тишину, и ее голос кажется мне непривычно резким и каким-то совершенно чужим.

– Свидетельство моей безалаберности. Представляешь, вместо двадцати рублей сдачи получила вот это.

– А прикольно, слушай. Я только алфавит не узнаю. На греческий похож чем-то, но там же вроде евро, нет?

– Евро.

– Ну и пофиг, зато монетка красивая. И на память останется, считай, сувенир.

Сувенир так сувенир. Мы продолжаем идти по грунтовке, говорить почему-то не хочется, но тишина из обиженной становится удивительно уютной.

Солнце катится по небу в сторону горизонта, постепенно краснея от удовольствия скорой ночной передышки. Поля вокруг тонут в криках ласточек и тихом завывании ветра. Массивы многоэтажек приближаются, но как-то очень медленно. Я достаю телефон и смотрю на часы – четверть седьмого, надо же. Видимо, мы увязли в меде этого вечера, как мухи, да еще и молчание и обида сделали свое дело – мне-то показалось, что мы идем по этой пыльной дороге не один час.

“Время – понятие относительное, так же как и простран-

ство. Не зря Эйнштейн объединял эти измерения в единый пространственно-временной континуум. Знаешь, тут все дело в системе координат. Ну, и еще у тебя могут быть когнитивные искажения”, – звучит у меня в голове гнусавый голос моей соседки по общежитию, которая учится на мехмате, и он настолько громкий и четкий, что я невольно вздрагиваю.

Сеть по-прежнему не ловит, но я и так вижу, что до ближайшего дома осталось где-то с километр. Впереди показываются первые деревья, и мы проходим с Маришкой между старыми дубами и, кажется, тополями, растущими прямо вдоль дороги. Редкие поначалу, через какие-то двести метров они становятся все чаще и чаще и даже образуют что-то вроде сплошного туннеля – не слишком темного, но слегка зловещего. Дорога здесь грязная и размытая – точно, сегодня же шел настоящий ливень, мы как раз в него попали. Видимо, дренаж ни к черту, вот и размыло.

На чуть покосившееся дерево приколочена табличка “Большая Монетная 1 км”, и Маришка удовлетворенно хмыкает, прибавляя шаг. Теперь уже я иду за ней, а туннель все тянется и тянется. Потом деревья и кусты резко кончаются, и мы выходим обратно на поле. Солнце падает за горизонт окончательно, и красные закатные лучи отражаются в...

– Какого черта здесь река? – почему-то шепчет Марина, и я с ней совершенно согласна. В смысле, это, конечно, не Дунай и не Обь, но метров семь она точно шириной – не перепрыгнуть. Река с одной стороны уходит в поля и, кажется,

дальше становится только шире, а с другой, кажется, впадает в озеро или болото – по крайней мере, я вижу, как вода отражается в чем-то массивном. А первые многоэтажки совсем рядом – метров пятьсот, не больше. Но они какие-то... нарисованные, что ли. Река тянет к себе – вечер летний, жаркий, в нее так и хочется зайти и искупаться. Вряд ли она сильно глубокая, да и плавать мы с Мариной хорошо умеем.

– Жень, а давай вброд перейдем? Только палку найдем каковую, дно пощупаем. Ну не возвращаться же? – говорит Марина и, пошуршав в траве с минуту, действительно возвращается с какой-то полутораметровой веткой.

Я сажусь прямо на колени и опускаю руку в прохладную воду. Хризантемы все еще зажаты у меня в другой, и я в порыве ребячества опускаю их в речную прохладу. Они медленно плывут вдоль берега, но, пока я отвлекаюсь на подругу, деловито прощупывающую дно слева, цветы уносит куда-то в сторону, и я теряю их из вида.

Мне хочется войти в реку, и я слышу тишину и спокойствие, которое несет вода. Мариша рядом, наверное, чувствует то же самое, потому что она делает шаг вперед прямо в джинсах и кедах. Она движется вперед, и сама становится тишиной и акварельным рисунком, сценой из фильма или книги. Марину поглощает вода.

– Марина! МАРИНА, НЕТ!– кричу я, не понимая, откуда во мне взялся весь этот ужас, невероятный по своей мощи, я пытаюсь схватить ее за руку, но подруга смеется, кричит

мне: “Трусиска! Тут нет ничего страшного!” и доходит до середины реки. Вода ей по грудь, и она отталкивается ногами, переплывает буквально метр и встает на другой стороне.

– Жень, ты чего там застряла? Давай переплывай! Хрен с ними, с вещами, я вон сумку в кустах спрятала, завтра заберем! Женя?

Я смотрю на Маришку на другой стороне реки, и темнота медленно поглощает ее. Что-то не так, я не могу понять, что именно, а потом смотрю на реку, в которой по щиколотку стоит моя подруга.

Нет отражения, вот что. Я отражаюсь, а Маришка – нет. Я лихорадочно пытаюсь вспомнить, отражалась ли она до того, как зашла в воду, пытаюсь объяснить все оптическим обманом или моим подсевшим после сессии зрением, но нет – рядом с ней на той стороне стоит дерево, и я отчетливо вижу пятна зелени в реке.

“Женя! Женечка, домой!” – слышу я далекий крик моей бабушки откуда-то из домов на той стороне узкой реки.

– Жень! Женя, ты чего? – пугается Маришка и чуть ли не плачет. – Мне не по себе, Жень! Ты идешь или как?

– Прости меня, – говорю я и понимаю, что Марина меня не услышит.

– Что? Жень, ну ты как маленькая, честное слово! Не хочешь, не надо, ладно. Ты адрес запомнила? Я тогда к маме пойду и буду там тебя ждать, да?

– Ага! Увидимся! – кричу ей я и решительно поворачива-

юсь в сторону темного туннеля. Солнце окончательно село, и вечер вступает в свои права. У меня в кармане остается пара монет, за спиной – рюкзак, а рука, которую я опускала в речную воду, несет отпечаток прохлады и легкий запах тины. Я возвращаюсь назад, а ветви деревьев и кустов съедают пространство-время за моей спиной за каждый шаг, что я делаю в обратном направлении.